

Смирнов Виктор Вячеславович

аспирант

УВО «Университет управления «ТИСБИ»

г. Казань, Республика Татарстан

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУВЕРЕННОГО ДЕФОЛТА

Аннотация: в статье описывается непосредственная взаимосвязь между категориями «правовая политика государства» и «суверенный дефолт». Автором делаются выводы о недостаточной урегулированности международно-правовых отношений между участниками заемных отношений, а также о непосредственной возможности государства посредством внутренней политики государства повлиять на исключение суверенного дефолта.

Ключевые слова: правовая политика, международная политика, суверенный дефолт.

Международное право и правовая политика отдельного государства – направления достаточно взаимосвязанные, поскольку политика государства – как внутренняя, так и внешняя непосредственно определяет и статус государства на международной арене, и ее внутреннюю деятельность, в том числе финансовое состояние, экономическую стабильность, развитость хозяйственных сфер жизни как на микро- так и на макроуровне.

Как отмечает профессор А.В. Малько, с точки зрения теоретического правоведения под правовой политикой можно понимать научно выверенную системную деятельность, которая проводится и реализуется в правовой сфере федеральными и региональными органами государственной власти, местного самоуправления, институтами гражданского общества, гражданами, целью которой является сохранение и воспроизводство правовых ценностей [4, с. 165].

Проблема правовой политики была актуальна для ученых-правоведов во все времена, например, Н.И. Матузов указывал, что: «русские дореволюционные юристы (Б.А. Кистяковский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич,

П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий и др.) рассматривали правовую политику как в большей степени прикладную науку, призванную оценивать действующее законодательство и способствовать выработке более совершенного права. Это, конечно, слишком узкое и утилитарное понимание явления, и современный смысл данной категории гораздо сложнее и шире. Более того, речь шла по большому счету не о правовой политике, а о политике права, что совсем не одно и то же» считает заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Автор также согласен с тем, что термин «правовая политика» является многогранным и более глубоким. Многие отечественные ученые изучали данный термин, например, Г.Ф. Шершеневич в начале XX в. подчеркивал, что от отношения качества взаимодействия права и законодательной политики во многом определяется дальнейшее развитие «правового типа граждан», экономическая деятельность, энергия и предприимчивость в народных массах и многое другое [10, с. 461]. Профессор Р.Ф. Степаненко в своих трудах указывала, что рассматриваемая категория обладает полифункциональными или, возможно, универсальными качествами, если подтверждает свою жизненную необходимость и целесообразность, в том числе, в праксеологическом плане, в правовой реальности [7, с. 135].

Международно-правовая политика в современном мире неотъемлемая часть, такая же как как внутренняя или внешняя политика и определяется она как деятельность государства, которая направленная на обеспечение прав и законных интересов личности, в соответствии с международными стандартами. Целями международно-правовая политики могут выступать: защита существующего правового миропорядка, совершенствование государственного суверенитета, продвижение национальных интересов отдельных государств в рамках межгосударственных отношений [6, с. 4].

В условиях глобализации и фактически пересмотра института международного права и использования международных судебных учреждений в политических интересах отдельных коалиций стран [5, с. 15], в ситуации интернационализации и глобализации, экономика каждой страны во многом зависит от уровня

развития мирового экономического пространства в целом. Международно-правовая политика является частью правовой политики государства и может быть использована как одна из частей правовой направленности внешней политики страны. Определение вектора развития правовой политики должно формироваться исходя из основополагающих принципов международного права, международных договоров и конституции государства. Международно-правовую политику – это деятельность, направленная на повышение эффективности механизма международно-правового регулирования, которая реализуется в рамках межгосударственного правового сотрудничества.

Классическим примером реализации внешней политики через совокупность мероприятий, приёмов и методов, применяемых с учётом конкретных условий и характера решаемых задач для защиты интересов государства, а равно и интересов его народа – это дипломатия, осуществляемая в рамках норм международного права. Ключевой ее целью является создание правовых основ для эффективной достижения национальных интересов государства.

Сегодня в теоретическом правоведении изучаются и обосновываются такие концептуальные направления доктрины правовой политики как, в частности, правовая этнополитика, правовая геополитика, правовая образовательная и научно-исследовательская политика [9, с. 156]. Также интересным и актуальным направлением видится и правовая финансовая и экономическая политика государства. Нестабильность, противоречивость и неконгруэнтность такой политики может привести к внутреннему экономическому кризису, а в общем результате к суверенному дефолту, то есть, банкротству государственной структуры. Следует иметь в виду, что традиционно принято использовать термин «суверенный дефолт», который и обозначает неспособность выполнения долговых обязательств государством.

Международно-правовая политика государства, как уже указывалось, касается и внутренней стабильности финансовых индикаторов суверенного государства. Существует несколько причин, при которых можно говорить о банкротстве целого государства, при том одним из важнейших причин являются причины

политические. Например, излишняя концентрация на социальной политике при несбалансированном бюджете. Кроме того, государства могут быть подвергнуты ограничениям (санкциям) со стороны других участников международного сообщества. Можно отметить и ситуацию, при которой государство сосредотачивается на одной статье дохода, приносящую наибольший доход, например, на нефти и газе и не развивает другие направления. Известны банкротства государств. Такие события происходили достаточно редко, но в то же время приводили к мгновенным изменениям в жизни миллионов людей. В русскоязычных источниках отражен дефолт 1998 года в России. Другой известный пример – дефолт 2001 года в Аргентине. Тогда власти страны неграмотно распределились деньгами, полученными во время фазы активного роста экономики. Незадолго до дефолта Аргентина активно вкладывала средства в социальную сферу, приватизировала государственные компании и стремилась к созданию хороших условий для зарубежных инвесторов. Однако в 2001 году власти объявили, что отказываются выплачивать долги иностранным кредиторам. Яркими примерами технических дефолтов последних лет являются дефолты Греции и Украины. В 2015 году Греция не перевела средства МВФ в счет погашения своей задолженности и был зафиксирован ее технический дефолт. В этом же году Международная ассоциация свопов и дериватов обозначила технический дефолт Украины, хотя официально он не признается, поскольку реструктуризация украинского долга при помощи МВФ позволила предотвратить обозначенный дефолт [1, с. 48].

Вопросы суверенного дефолта являются достаточно актуальными для рассмотрения, особенно в условиях западной санкционной политики.

В настоящее время в связи с последними происходящими событиями особую актуальность приобретает вопрос, связанный с дефолтом по государственному долгу. До этого времени подобный инструмент использовался в различных странах, в основном с странах с нестабильной экономической ситуацией или с развитием в государствах экономических кризисов.

Отечественное и зарубежное законодательство не предполагает легитимного закрепления понятия дефолта. Исключением является упоминание дефолта

в законодательстве одного из американских штатов (Мэн), где дефолт понимается как неспособность штата выполнять свои обязательства. Отсутствие легального определения суверенного дефолта логично в связи с тем, что исполнение обязательств государства по его долговым обязательствам гарантировано всем принадлежащим ему имуществом и доходной частью бюджета.

Международный валютный фонд (МВФ) не дает определения суверенному дефолту, но отмечает, что его проявление заключается в нежелании или отсутствии возможностей одной стороны соглашения выполнить свои долговые обязательства.

Суверенный дефолт может квалифицировать по нескольким признакам: нарушение срока уплаты задолженности либо процентов за пользование суммой займа, ограничения в хозяйственной деятельности, которые могут препятствовать своевременному исполнению таких платежей, проведение реструктуризации, в рамках которой происходит неравноценный обмен при условии, что эмитент предлагает кредитору новую ценную бумагу на сумму, меньшую от объема изначального долга.

Зарубежные экономисты определяют дефолт как явление, в результате которого задолженность по основной сумме или процентам по обязательствам перед кредиторами в общей сумме внешнего долга страны превышает пять процентов или когда реструктуризация долгов происходит по согласию с кредиторами. Среди отечественных специалистов можно отметить мнение Е.А. Звоновой, которая указывает на то, что дефолт по долговым обязательствам государства является неспособностью органов власти произвести основные выплаты или выплаты процентов по долгу в установленный срок [2, с. 105].

По мнению Т.М. Фасолько, можно говорить о наличии двух видов дефолта – обычном и техническом. Обычный связан с тем, что заемщик не способен к выполнению своих обязательств, то есть является банкротом. Технический дефолт указывает на то, что заемщик нарушил условия договора займа, но физически он их выполнять может.

Для российского государства отношение государственного долга к ВВП составляет на этот год 19,4%, что свидетельствует о высоком уровне долговой устойчивости России, в отличие от стран ЕС, поэтому речь о суверенном дефолте России может идти только по техническим причинам, созданным, как это ни парадоксально звучит, самими же заемщиками.

Как отмечает профессор Р.Ф. Степаненко, неправовой, зачастую, характер принимаемых государством в социальной экономической сфере решений на пути построения собственной модели капитализма в России, неоднократно подвергался и подвергается острой критике в связи с пробельностью, постоянным изменением и дополнением, излишней конкретизацией, паллеативностью, а порой необъективностью и неопределенностью действующего законодательства. Несовершенство нормативной сферы, в том числе в области социально-экономических отношений, служит причиной неуважения к праву, девальвирует его ценностно-мировозренческие смыслы. Ангажированность и лоббизм отдельных узкогрупповых и корыстных интересов крупного бизнеса и его отдельных представителей, вопреки реализации парадигмы улучшения качества и уровня жизни, сводят на нет усилия социогуманитарной науки и, собственно, правовой мысли [8, с. 377]. Такая ситуация в социальной экономической сфере, несомненно, создает предпосылки на базовом уровне к техническому дефолту. Не следует также забывать, что правотворческая политика призвана создавать необходимые условия для эффективной правотворческой деятельности [3, с. 105], а потому закрепление финансовых стандартов и механизмов защиты государства на законодательном уровне позволило бы стабилизировать экономическую ситуацию государства в целом.

Верхний предел государственного долга устанавливается законодательно ежегодно. В частности, на начало 2022 г. закреплён верхний предел внешнего долга Российской Федерации в размере 72,0 млрд долл., на январь 2023 г. – 70,7 млрд долларов. Установление данного предела необходимо для сдерживания роста государственного долга, хотя это и не всегда удается сделать

государствам, бывает либо превышение данного размера, либо увеличение верхнего предела.

В настоящее время размер внешнего долга Российской Федерации составляет 56,8 млрд долл., что не свидетельствует о кризисной долговой нагрузке России. Тем не менее в этом году возникла ситуация дефолта в отношении внешнего долга РФ, хотя никаких экономических предпосылок к этому не было.

Кроме того, в июне 2022 г. в условиях западной санкционной политики обозначили возможность фиксации суверенного дефолта России, в связи с препятствием расчетам в иностранной валюте по долговым обязательствам нашего государства. До 26 июня 2022 г. действовал льготный период по выплате просроченных платежей по государственным облигациям на сумму примерно 100 млн долл. Российская Федерация не признает наличие суверенного дефолта, так как Минфин считает свои финансовые обязательства выполненными, в связи с тем, что причитающиеся выплаты были произведены еще в мае, а международная расчетно-клиринговая система Euroclear заблокировала перечисленные средства, предназначенные иностранным кредиторам. Следовательно, по мнению Минфина России, инвесторы не получили выплаты в силу действия (или бездействия) третьих лиц. Данное обстоятельство не предусмотрено в эмиссионной документации как событие дефолта, поэтому иностранные инвесторы должны вынуждены с претензиями в соответствующие иностранные финансовые институты или международные юрисдикции.

Также следует учитывать и тот факт, что наступлению дефолта обычно предшествуют какие-либо негативные события, чаще экономического характера. Как показывает исследование почти 90 случаев суверенного дефолта за период 1827 – 2003 гг., обычно в его преддверии наблюдается существенный рост объема внешних и внутренних заимствований, что указывает на дефицит бюджета и невозможность обслуживания собственных долговых обязательств.

Аналогии суверенного дефолта можно провести с дефолтом субъектов внутри государства, когда отдельные хозяйственные организации либо физические лица объявляют о дефолте, то есть о своей несостоятельности в

соответствии с внутренним законодательством. И в этом случае также рассматривается две причины неисполнения обязательств: внешние, то есть на формирование которых субъект категорически не мог повлиять, например, макроэкономическая ситуация в стране, экономический спад, вызванный правовой политикой государства в отношении ряда направлений малого бизнеса, и внутренние, зачастую связанные с нежеланием заемщика исполнять обязательства при наличии финансовой возможности. При этом достаточно интересными являются проведения аналогии между банкротством частных лиц и суверенным дефолтом, для целей установления причин экономического спада государства и возможных способов преодоления возникшего кризиса, среди которых можно отметить: прокалывание корпоративной вуали суверенного субъекта, как для выяснения причин истинной группы лиц, за счет которых стало возможно говорить об экономическом или техническом дефолте, так и для целей установления корреляции между действиями выявленной группы и возникших последствий; также можно говорить о привлечении к ответственности отдельных членов группы лиц. Необходимо исследовать и внешние причины возникновения задолженности, в том числе путем проведения аудиторских и иных финансовых исследований, с изучением перспектив развития соответствующих рынков и их конъюнктуры, а также с учетом возможности успешного развития сфер бизнеса с учетом имеющихся санкционных и или иных ограничений.

Однако в отличие от аналогии с частным банкротом, приведенным выше, объявление дефолта неравнозначно категории возврата долга. Специальный правовой статус суверенного государства вследствие доктрины государственного иммунитета исключает вероятность подачи искового заявления о взыскании с него задолженности без согласия самого государства, а также ограничивает возможность применения обеспечительных мер в отношении государственных активов. Не является применимой и категория исключения суверенного субъекта из реестра хозяйствующих лиц после объявления свой несостоятельности. Также на настоящий момент остаются неурегулированными правила и процедуры поведения суверенного субъекта при наличии признаков дефолта, правила

распределения активов при возникновении кризисной ситуации, а также видится недостаточность степени урегулированности международно-правового регулирования взаимоотношений суверенных субъектов, участвующих в заемных правоотношениях.

Таким образом, основные положения настоящей статьи позволяют прийти к выводу о непосредственной взаимосвязи между категориями «правовая политика государства» и «суверенный дефолт», о недостаточной урегулированности международно-правовых отношений между участниками заемных отношений, а также о непосредственной возможности государства посредством внутренней политики государства повлиять на исключение суверенного дефолта.

Список литературы

1. Балацкий Е.В. «Технический» метод оценки вероятности суверенных дефолтов / Е.В. Балацкий // Мир новой экономики. – 2016. – №3. – С. 48–49.
2. Звонова Е.А. Современные проблемы государственных долгов и суверенных дефолтов в странах Евросоюза / Е.А. Звонова // Финансы: теория и практика. – 2016. – №4. – С. 105–106
3. Исаков Н.В. Правотворческая политика: общетеоретический аспект / Н.В. Исаков, А.П. Мазуренко. – Минеральные Воды, 2005. – С. 69.
4. Малько А.В. Формы реализации и виды правовой политики // Российская правовая политика: курс лекций / А.В. Малько; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2003. – С. 165.
5. Мезяев А.Б. «Международные суды» и Африка / А.Б. Мезяев // Азия и Африка сегодня. – 2005. – №11 (580). – С. 14–18.
6. Сердюкова И.Г. Международно-правовая политика современной России в сфере осуществления прав и законных интересов человека: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук / И.Г. Сердюкова. – Краснодар, 2008. – С. 4.
7. Степаненко Р.Ф. Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований / Р.Ф. Степаненко // Государство и право. – 2022. – №1. – С. 64–74. – DOI 10.31857/S102694520018273-1. – EDN ISUHFA.

8. Степаненко Р.Ф. Правовое содержание социально-экономической категории «качество жизни»: аналитический дискурс / Р.Ф. Степаненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25. №2. – С. 376–394. – DOI 10.22363/2313-2337-2021-25-2-376-394. – EDN QOZNEE.

9. Степаненко Р.Ф. Этнометодологические практики в доктрине правовой политики: общетеоретические проблемы / Р.Ф. Степаненко // Право и политика. – 2016. – №2. – С. 287–295. – DOI 10.7256/1811-9018.2016.2.17576. – EDN VMDMDN.

10. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1912. Вып. 4. – С. 805.